

В городе новый шериф,
Больше ни стрельбы, ни матерных песен...
Слышал, он прет на бандитов, как локомотив,
Этот городок для нас двоих тесен (вы в курсе?).
В городе новый шериф,
И мы все ему не по вкусу...
Раньше что-то где-то плохо лежало — бери,
А теперь время вынести мусор.

Заточка. Новый шериф

Пролог

— Ну-с, молодой человек, мне кажется, нас можно поздравить. Результаты весьма интересные.

— Получилось, проф? — лаборант (вообще-то, у него был вполне себе честно выстраданный диплом не самого плохого вуза, но хоть он и числился мэнэ-эсом¹, использовали его пока что на уровне «принеси, подай, отойди — не мешай») оторвался от старомодно-го экрана компьютера, в который заносил данные, и вопросительно посмотрел на шефа. Тот снисходительно улыбнулся:

— Как минимум тесты на обезьянах положительные. Думаю, после завтрашнего доклада нам передадут свежий *материал* для испытаний.

То, как профессор выделил слово «материал», заставило не пропитавшегося еще профессиональным цинизмом вчерашнего студента поморщиться. Мысленно, конечно. Материал, надо же... Мышки, собаки, обезьяны... Последних запрещено теоретически задействовать в такого рода экспериментах, но, когда дело касается тематик, подобных нынешней, законы становятся чем-то далеким и эфемерным.

Так вот, следующий материал — люди. Об этом не говорили, но знали все. Пришлют нескольких заключенных, которым пообещают заменить смертный

¹ Младший научный сотрудник.

приговор на пожизненное заключение. Или просто изменить то же самое пожизненное на что-то более вменяемое. Наверняка такие найдутся. Им введут порцию теоретически перспективной, однако при этом смертельно опасной вакцины. Ну а потом... Что будет потом, не знает пока никто. Только вот энтузиастов, работающих в лаборатории, подобные мелочи не останавливают.

— Очень хорошо, — нейтральным тоном отозвался лаборант. — Надеюсь, получится. Вы счастливы?

— Я видел счастливых людей. И трезвых среди них не было, — рассмеялся профессор. Открыл сейф, извлек бутылку дорожущего на вид коньяка. — Ну что, отметим успех?

Привычка шефа отмечать все подряд уже давно стала притчей во языцех. Самое интересное, пил он понемногу, головы не терял, и вряд ли его можно было назвать алкоголиком, но все же... Профессору, к слову, было все равно. Без него работы останятся — стало быть, выходки его будут терпеть. А раз так, смочить пересохшее горло сам бог велел. И янтарная жидкость полилась в призывно расставленный зев бокалов...

Стоит признать, доза была — одно название. Как раз чтобы почувствовать вкус, и... И, в принципе, все. Профессор и впрямь не был алкоголиком. Честно говоря, лаборанту пить совсем не хотелось. Вот только и портить отношения с начальством («уважение» дорогого стоит) нежелательно.

— Ну как? Только не говори, что когда-нибудь пробовал что-то подобное.

— Не скажу. Не пробовал.

Это было правдой — такой коньяк не по карману ни студенту, ни лаборанту. Если он, конечно, не сын олигарха. Другой вопрос, что в коньяке он вообще не

разбирался. В бытность студентом они с друзьями все больше по водочке, а потом не до коньяков было. Впрочем, уточнять этот момент, естественно, не стоило.

— Ну, теперь попробовал. Можешь гордиться, — профессор обладал замешанным на ехидстве чувством юмора, и парень уже давно уяснил, что обижаться на это — пустая трата времени и нервов. — Все, приберись здесь и внеси последние данные.

Что же, все логично и плотно вписывается в картину мира. Босс руководит, фонтанирует идеями, а вся черновая работа ложится на плечи молодых. Ибо не профессорское это дело руки пачкать. Он этим в молодости успел поразвлекаться. Так что ноги в руки — и вперед, пробирки должны сиять!

— Тяф!

Ну вот, и любимый йоркширский терьер профессора согласен. Эту собаку хозяин вопреки всем мыслимым и немыслимым инструкциям таскал за собой повсюду. Разве что в святая святых — лабораторию — вход ей был запрещен. Вот и сейчас она возлежит в кресле, обводя окружающих умным (ну, это со стороны так кажется) взглядом. И, зараза, подтверждает то ли право шефа отдавать приказы, то ли мысли самого лаборанта о том, что сегодня до самого вечера придется вкалывать.

У лаборанта с терьером был жесткий антагонизм, который начался с того, что эта скотина передавил только-только доставленных в лабораторию крыс. Ценных крыс! А у этой мелкой и кусачей животины инстинкты! Черт возьми, их для охоты на крыс и вывели, для этого на кораблях держали. И пусть собака — хищник со специализацией падальщика, а потому утерянный под столом неделю назад и начавший пованивать бутерброд должен казаться вкуснее свежей

добычи. Эта скотина в практике решила пойти против теории, оскалила зубы и сожрала-таки крыс. И пришлось ждать новых, писать кучу бумаг, слушая упреки шефа в том, что за ценными лабораторными животными надо было смотреть! В общем, было за что не любить скотину мелкую.

Все так. Но антагонизм это одно, а работа — другое. За нее деньги платят. Придется запереться в лаборатории, чтоб профессор с очередной гениальной идеей не приперся, и выполнить его поручение. Но прежде всего одна маленькая формальность.

Коньяку-то был глоток, но за руль с запахом садиться не стоит. А он обещал Свету из юридического прокатить. Нравится девушке его мотоцикл, да и он сам, можно надеяться, не противен. И если пока что она держала его на расстоянии, как говорится, лампа горела — Света не давала, то сегодня, глядишь, что-нибудь да изменится. Раз так — надо принять собственноручно разработанное еще в студенчестве чудоснадобье, после которого стандартная проверка, хоть на улице, хоть в наркодиспансере, обнаружить ничего в принципе не сумеет. Вернее, найти-то можно, вот только надо знать, как. А с этим у замотанных жизнью наркологов, не слишком жаждущих вылезать за рамки минимально-необходимых работ, дела обстоят так себе. Хорошее средство, проверенное. Честно говоря, подпольное изготовление и продажа этого препарата составляли весомую часть доходов. В иные месяцы не меньшую, чем зарплата, пожалуй. И постоянные клиенты готовы были платить!

Дверь в лабораторию привычно скрипнула на плохо смазанных петлях. Звук — будто кто-то воздух испортил. Профессор уже традиционно съязвил насчет инсульта задницы... Неплохой он человек, но иногда

так хотелось дать ему по шее. Именно с этими мыслями лаборант и отправился вкалывать на благо родного института.

Пожалуй, не задержишься он в лаборатории, где среди огромной массы реактивов хранил персональный запас скрывающего алкоголь препарата, все могло пойти совершенно иначе. Но история не знает сслагательного наклонения, и это обстоятельство спасло ему жизнь.

— ...Да как вы смеете! — начальственный рык профессора звучал столь грозно, что пробивался даже через неплохую звукоизоляцию старого здания. От неожиданности лаборант подпрыгнул, но, сообразив, что это не по его душу, рванул к двери посмотреть, что же происходит. Он даже предположить не мог, что осторожность (дверь приоткрыл совсем чуть-чуть, вдруг к боссу кто-то заявился, испортил ему настроение... Попасть под горячую руку не хотелось) спасет ему в тот момент жизнь.

Конечно, вид того, как твоему непосредственному начальнику два жлоба заломили руки, а третий бьет по морде, сладким бальзамом льется на душу. Любой карьерист подтвердит. А вид того, как четвертый визитер отбивается от мелкого, но кусачего терьера, еще и позабавит. Но вот тот факт, что все четверо в масках и с автоматами, а где-то неподалеку раздается грохот, словно кто-то потрошит ящики стола... В общем, кто бы ни были эти люди, вряд ли они пришли сюда с добрыми намерениями. И их здесь много. Как минимум больше, чем четверо.

Осторожно, чтоб не выдать свое присутствие скрипом петель, он закрыл дверь, медленно-медленно, буквально по миллиметру повернул ключ в замке. А теперь галопом к рабочему столу. Вызвать охрану...

Увы, вызывать было некого. Повезло еще, что вначале догадался влезть на канал этой самой охраны. Телоретически закрытый, конечно, однако если дружить с сисадмином, то допуск получить можно к чему угодно, а возможность лишний раз посмотреть на коридоры через камеры никому не мешает. Сейчас — тем более.

Главный вход. Охранник на месте. Вот только почему-то рожа незнакомая. И позади высокой стойки, так, чтобы не было видно снаружи, автомат прислонен. Старый добрый АК-74, такие собственной охране института не положены. Они больше с пистолетами-пулеметами, благо такие игрушки последнее время снова вошли в моду. Последний, так сказать, писк, и клепают их массово. Не нужен парню за стойкой древний «калашников».

Вторая камера. Коридор. Пустой. А ведь в это время жизнь здесь должна кипеть и пузыриться. Третья камера. Светка. Светка! Лежит на полу, мертвые глаза смотрят в потолок...

Дальше он смотреть не стал. И без того ясно. Удар в дверь... Похоже, кто-то из этих умников решил попасть в лабораторию. Нью-нью, флаг вам в руки. Дверь здесь не сейфовая, но вполне полноценная, железная. Это не филенка межкабинетная, тут другой уровень. Еще удар, ругань... И вполне членораздельное требование открыть, или они хлопнут профессора. Вычислили, что кто-то внутри есть, гады! Он их послал в ответ на известные всему миру три буквы. Дверь вновь содрогнулась от удара, но профессора убивать пока не торопились. Видать, нужен им престарелый гений. А вот его помощник — вряд ли.

Помощи ждать неоткуда. Дверь вряд ли выдержит такие удары долго. И что прикажете делать? Взгляд

лихорадочно обшарил помещение, все эти шкафы с реактивами, клетки с подопытным зверьем... Уйти отсюда не получится — дверь одна, окон нет, вентиляция не киношная, по ней разве что мышь пролезет... Не клетками с крысами же в них кидаться!

Последняя мысль вызвала приступ истеричного смеха, а потом наступило какое-то странное, иррациональное спокойствие. Даже удары в дверь доносились теперь, казалось, откуда-то издали. Не уйти. Осознание этого перечеркнуло все. И для парня, который не был героем, скорее, наоборот, трусоватым малым, было чудом уже то, что он не впал в ступор.

А может, этому способствовало мертвое Светкино лицо на экране. Крупным планом... Отстраненность сменилась бешенством. Что же, ребята сочли, что они вольны в чужой жизни и смерти? А как быть с тем, что в этой лаборатории исследовали и разрабатывали такое, о чем простым смертным не то что знать — мечтать не положено? Как там говорил профессор? Материал? Что же, дорогой ты мой начальничек, будет тебе материал!

Игла шприца вошла в вену мягко и почти безболезненно — даром, что ли, столько тренировался на мышках-крысах-обезьянах. Рубиновая жидкость, почти неотличимая по цвету от крови, аккуратно покинула шприц. Теперь все, остается только ждать...

Вначале не происходило ничего. Совсем. У обезьян, помнится, первая реакция обычно наступала уже через пару минут. В виде судорог... Но тут и судорог не наблюдается. Зато вдруг стали более блеклыми и одновременно невероятно контрастными цвета, да и вообще очертания предметов выглядели теперь более четкими. Потом словно тонкие ледяные иглы пробили мозг. Довольно болезненное ощущение — но лишь

на миг. Зато исчез страх, а мысли стали очень четкими и ясными.

Вместе со страхом ушли неуверенность в себе, нерешительность, даже брезгливость. Движения обрели ранее недоступные четкость и точность. И сразу появилось осознание того, что надо делать.

Дверь, в конце концов, сдалась. Сама-то она могла, наверное, выдержать и большее, но слабым звеном оказался внушительный на вид косяк. С ним вместе дверь и рухнула, подняв тучу пыли. В другое время виновник столь грубого нарушения чистоты и порядка в лаборатории был бы как минимум публично четвертован, однако вошедшему в помещение здоровяку с автоматом на шее было на праведный гнев ученых наплевать. Ему вообще плевать было на все, кроме того, за чем он пришел. И за что обещали хорошие деньги!

К удивлению, в лаборатории все было чисто, оборудование на местах, порядок мало не идеальный. Парень, который здесь находился, как раз сейчас выставлял какой-то прибор. Как по линейке, ровно и аккуратно. Повернулся, очень спокойно, молча посмотрел на вошедшего...

Что-то было неправильно в происходящем. Боец участвовал уже не в первой операции такого рода и знал: поведение людей, простых, нетренированных, в стрессовой ситуации может быть каким угодно. Истерика, ступор, попытки униженно лебезить, такое вот спокойствие... В общем, все нормально — и в то же время что-то не так.

Причину своего беспокойства он понял через пару секунд, когда лаборант шагнул ему навстречу. Спокойствие не было следствием истерики. Скорее уж, ее противоположностью. Так спокоен хищник, видящий добычу, которой уже точно не уйти. Вот только пони-

мание это пришло уже в затухающий мозг — скальпель, которым так удобно потрошить лабораторных мышек, пробил ему сонную артерию.

Лаборант аккуратно, совершенно не испачкавшись, что само по себе выглядело подвигом, придержал тело. Мягко, почти бесшумно опустил его на пол, обыскал. «Глок»... Хорошая игрушка. Боевой нож из тех, что так нравится brutальным мужчинам, скорее грозный на вид, чем удобный. Пригодится. Автомат, точнее, пистолет-пулемет. Отечественный или забугорный — черт его знает, в них лаборант не разбирался совершенно. Тем не менее это не помешало разобраться с ним в какие-то пару секунд. Бронежилет. Жаль, заляпан кровью, но с этим придется смириться. Четыре гранаты. Рация... В общем, к концу обыска лаборант был неплохо экипирован и готов продолжать знакомство с незванными гостями.

— Серж, ты там скоро?

— Угум...

Может, его голос и не вполне соответствовал по тембру ныне мертвому Сергею, однако среагировать на данное обстоятельство налетчики уже не успели. Шаг вперед — и решивший подойти-проверить, что там делает товарищ, налетчик получил скальпелем в глаз. А потом короткие, с отсечкой по два-три патрона, очереди... Лаборант никогда не умел так стрелять. Даже во время недолгого пребывания в рядах доблестной российской армии никто его подобному не учил. А сейчас получалось — из незнакомого оружия, без подготовки. И без единого промаха.

Все действие заняло секунд пятнадцать, может, даже чуть меньше. Сергей даже не удивился этому — чувства как будто атрофировались. Спокойно обошел, делая контрольные выстрелы — почти бесшумные, оружие